

Перевод в культуре: уточнение статуса и понятий

Н.Л. Галеева
ТВЕРЬ

Перевод является одним из древнейших видов деятельности, причем важно то, что, с одной стороны, он обслуживает непосредственные потребности общения между народами, с другой стороны, и это представляет особое культурное значение, он способствовал формированию национальных культур, обогащая их достижениями других народов. Именно в силу этого история перевода является в значительной мере историей национальных культур, их взаимодействия и развития, историей культурозначимого движения текстов, повлиявших на становление национальных культур. Значение перевода в создании национальных культур всегда недооценивалось, поскольку сама теория перевода рассматривалась преимущественно в лингвистическом контексте, а лингвистика с прошлого века находится под влиянием немецких романтиков, которые преувеличивали значение «народного духа» и уникальности каждой отдельной культуры вплоть до ее полной автономии от других культур. Более того, лингвистика, возникшая в своем структуральном аспекте как «наука наук», «пилотная наука» (F. Dosse), обеспечившая метод для всей гуманитарной (и не только!) парадигмы, не оправдала возложенных на нее ожиданий и оказалась на периферии научных исследований, поскольку оказалась не в состоянии объяснить деятельностный аспект речепроизводства, что, собственно, и представляет в настоящее время наибольший теоретический и практический интерес.

«Культура как перевод» (Culture as Translation) назвал свою статью В. Макура [Macuga, 1995, p. 71-78] и был абсолютно прав, поскольку большинство культур формировалось при непосредственном участии и под влиянием перевода в его разных ипостасях: устного перевода, письменного перевода, а также под влиянием трансляции жанров, мотивов, сюжетов и даже образа жизни, способов мышления, что составляет более широкую – культуруобразующую – сущность перевода. «Наша история идей есть ничто иное, как история перевода, достаточно упомянуть перевод Библии, греческих и римских философов, эпосы, которые заложили основу Западной культуры» [Pohl, 1999, p. 179].

Критика и семиотика. Вып. 9, 2006. С. 24-35.

Трансляция из одной культуры в другую способов мышления и организации жизнедеятельности действительно представляет собой разновидность перевода, что далеко не всегда осознается, описывается и вписывается в современную лингвистическую теорию перевода. Такое понимание перевода близко семиотическому и не противоречит ему, хотя имеются основания полагать, что герменевтический контекст описывает перевод более адекватно. В герменевтическом ракурсе перевод рассматривается в тех существенных и сущностных отношениях, которые, собственно, и формируют его. Герменевтика, а особенно *филологическая герменевтика* [Богин, 1982] как теория понимания, требует рассмотрения и учета исторических аспектов изучаемого объекта, что позволяет проследить как собственно его историю, так и историю движения его понятий. При этом в основе любых действий с текстом, с переводом, в основе любой деятельности находится понимание и это положение полностью отличает деятельностную теорию перевода от лингвистического подхода, в котором перевод преимущественно рассматривается в субститутивно-трансформационном аспекте как система манипуляций с текстами на разных языках, в конечном итоге в оптимальном случае приводящая к появлению адекватного текста перевода. Однако практика показывает, что механистичные по своей сути субституты и трансформации не обеспечивают необходимой меры эквивалентности, поскольку не предполагают и не проблематизируют понимания как существенной и определяющей формы деятельности с текстами.

При создании герменевтического подхода к переводу мы во многом опираемся на работы лингвокультурологического, а по сути герменевтического направления переводческих исследований Translation Studies (S. Bassnett, J. Holmes, A. Lefevere), методологические исследования Г.П. Щедровицкого, филологическую герменевтику Тверской школы Г.И. Богина, Пятигорской герменевтической школы В.П. Литвинова, лингвокультурологическую концепцию Т.Н. Снитко.

Представляется, что прояснение культурнозначимой функции перевода, его роли и места в формировании национальных культур позволяет понять и сам перевод как деятельность, которая не сводима к узколингвистической проблематике и не исчерпывается тем перечнем понятий, преимущественно заимствованных из лингвистических теорий, которые дискутируются в современной теории перевода.

Перевод в широком смысле может быть латентным, представляя собой заимствование культурных форм, мотивов, сюжетов и т.п. (басни Крылова, баллады Жуковского были «переписыванием» оригинала в принимающей культуре), однако и в «снятом», неявном виде он не перестает быть переводом. Основатель лингвокультурологического направления в западных переводческих исследованиях А. Лефевр писал [Lefevere, 1995, p. 17-18], что перевод изначально существовал в двух ипостасях – как собственно языковая деятельность – *translatio*, которая может рассматриваться как простой «обмен знаменательными» [Bergman, 1988, p. 25] (именно эта разновидность перевода изучается современными лингвистическими теориями перевода) и перевод, который в латинской традиции можно обозначить гипотетической грамматической формой *traductio*, описывающей перевод как перенос культурных ценностей из одной культуры в другую без непосредственного привлечения *translatio*, т.е. без

того, что понимается под эквивалентным переводом. «Traductio готово и имеет возможность уравновесить лингвистический и культурно-идеологический компоненты переводческого процесса» [Lefevere, 1995, p. 18].

Уже в Римской культуре, очевидно, это различие в подходе к переводу отчетливо осознавалось, поскольку переводчики придерживались одной или другой тенденции – Аквила представил перевод Библии на латинский язык как *translatio*; знаменитый перевод Иеронима «Вульгата» также выполняется практически буквально, «слово за слово», хотя сам Иероним в заметках о переводе советует переводить не слово словом, а мысль мыслью. Перевод Симмаха выполнялся с противоположной установкой, передавая общее впечатление от священного текста.

Светские тексты, о точности перевода которых в то время никто не заботился и которые рассматривались как средство пополнения заимствующей культуры, переводились в период формирования культур посредством преимущественно *traductio*, т.е. посредством «культурного переноса», когда в культуре перевода воссоздавалось общее впечатление от текста, причем передавалось так, как это устраивало принимающую культуру со всеми необходимыми изменениями, уточнениями, сокращениями, добавлениями и т.п., что в лингвистической теории принято рассматривать как ошибки перевода.

Для наименования переводческой деятельности использовались разнообразные формы, как правило, заимствованные из латинского языка, где за ними уже был закреплён определенный объем значения. А. Риккарди [Riccardi, 2002, p. 1] отмечает, что глагол *interpretari* использовался во времена Цицерона для обозначения устной формы перевода, хотя он одновременно употреблял его, говоря о точной передаче философских терминов. Вместе с другими авторами Цицерон вкладывал в этот термин негативную коннотацию, противопоставляя его более благородному литературному переводу, который описывался глаголами *vertere*, *convertere*, *traducere*, *exprimere* etc. Со времени Иеронима и до конца XVII в. глагол *interpretari* использовался в более широком смысле для обозначения акта и процесса письменного перевода.

Латинская форма *translatio* («перенос значения», «метафора») была заимствована французским и английским языками (*translation*) и стала означать все формы письменного перевода как обмена вербальными знаками. Для обозначения устного перевода в английском используется форма *interpreting* (*interpreter lat* – переводчик), хотя многие авторы используют в этом значении и слово *interpretation*. Форма *interpretation* одновременно означает интерпретацию, герменевтическое толкование текста, что, безусловно, присутствует и в переводческой деятельности, поскольку перевод изначально неразрывно связывался с пониманием и интерпретацией. В современном испанском языке используется пара *traducción* – «письменный перевод и его результат» и *interpretación* – «толкование и перевод». Очевидно, перевод при этом не отделяется от интерпретации, понимания, толкования текста, как это всегда и было в ранней истории перевода: перевод означал деятельность по интерпретации текста: *фиксированное средствами другого языка понимание текста*. Другое свидетельство тому – бог Гермес, бог торговли и перевода, непосредственно связанного с ней, который дал имя науке о толковании интерпретации и понимании – *герменевтике*. В.С. Виноградов [2001, с. 6] отмечает, что «в Средние века мо-

нахи-переводчики пользовались именами *interpres*, *hermêneuma*. Однако уже в конце той эпохи эта терминология становится малоупотребительной».

Различие между *translation* и *interpreting* в английском языке подчеркивает строгий и буквальный характер письменного перевода, с одной стороны, и достаточно спонтанный и сиюминутный, подлежащий моментальному интерпретированию и переложению в соответствии с прагматической установкой характер устного перевода, с другой. При этом *translation* в английском выступает как гипероним как для письменного, так и для устного перевода. В русском и французском языках такое противопоставление отсутствует, хотя устный и письменный перевод действительно представляют собой разные виды деятельности, требуют различных квалификационных готовностей, и это вполне осознается всеми практикующими переводчиками. В английском имеется и редкая форма *traduction* – 1) наследование, передача по наследству; 2) клевета, где в весьма инвертированном виде отражаются некоторые аспекты перевода (перевод как передача; перевод как искажение). Форма *traductio* дала французскую форму *traduction* (перевод), причем идея перевода как культурного переноса исторически оказалась ближе французской культуре, в которой (в XVII-XVIII вв.) оригиналы до неузнаваемости изменялись и адаптировались к требованиям принимающей культуры: из них бралось преимущественно то, что представлялось необходимым и существенным.

В латинском языке существуют и другие продуктивные формы для обозначения различных ипостасей переводческой деятельности (их нам подсказал Д.В. Драгунский). Супплетивный глагол *ferre* дал, с одной стороны, основу причастия настоящего времени *ferent-*, связанную со значением «переносить», с другой – основу причастия прошедшего времени *lat-*, связанную со значением «переводить». Отсюда, например, английские формы *translation*, *transference* (перенос) одновременно могут использоваться для обозначения различных аспектов переводческой деятельности, связанных как с лингвистическим транслированием, так и с традукцией как культурным переносом. А. Пим [Pym, 1992, p. 195] отмечает, что в английском переход к *translation* от *transfere* произошел под влиянием старофранцузского *translater* – от средневекового латинского *translatate*, которое стало вытеснять *transfere* в начале XII в. Этот переход сопровождался утратой семантического компонента, связанного с физическим, материальным перемещением и переносом, хотя стоит упомянуть, что когда в конце прошлого тысячелетия *translation* вводился в поиск в Интернете, первое, что появлялось в ответ – *Translation of Goods from Country to Country*. Однако это значение быстро уступило место традиционному филологическому и поиск стал давать ссылки на переводческие сайты.

В русском языке слово «перевод» имеет огромное количество значений, причем далеко не всегда филологических, приближаясь в этом отношении к «предельному понятию культуры» (Т.Н. Снитко). Как отмечает А. Люсый [2003, с. 50], «В конечном счете, при всей своей амбивалентности это слово, основные значения которого сводятся к полному уничтожению чего-либо или переходу в иное качество, чревато превратиться в особую и вечно актуальную культурологическую категорию, приобретающую в российских условиях поистине библейский смысл – *перевода* народа через пустыню варягами, перво-святителями, «немцами», большевиками и «рыночниками»... Но имело оно и

вполне конкретный оптимистический завет: «Переводчиково, переводческое дело – передавать все речи ясно и верно».

Соответственно, в русском языке, наряду с достаточно семантически пустым словом «перевод» («перевод с должности на должность», «денежный перевод» и т.п.), можно предложить использовать в более конкретных значениях и концептуализировать термины «трансляция» как собственно деятельность с языковым материалом, и «трансференция», «традукция» как культурный перенос различных духовных образований, хотя последний термин представляется фонетически наименее удачным.

Рассмотрение исторических аспектов перевода позволяет понять то, как складывались культуры, какова в них была потребность к взаимодействию, а, следовательно, мотивация к развитию перевода. Следует отметить, что история перевода как культурного взаимодействия позволяет понять и объяснить многие проблемы, существующие между отдельными культурами и внутри самих культур.

Предельный характер понятийной системы, крайняя сложность самой переводческой деятельности, отсутствие однозначных соответствий при описании перевода в разных языках приводит к необходимости создания большого количества научных текстов, проясняющих, разводящих и уточняющих те понятия, которые некогда в античных культурах представляли собой упорядоченную систему, за каждым элементом которой был закреплен вполне строгий и конкретный объем значения. По необходимости теоретическая переводческая деятельность в огромной мере посвящена не собственно ее оптимизации, а уточнению, разведению и определению базовых понятий, а споры о том, что есть сущность перевода, не затихают до сих пор. Часть этих споров обязана предельному характеру базовых понятий, которые оказываются «семантически пусты» (Т.Н. Снитко); каждый исследователь волен наполнить и реально наполняет их собственным содержанием.

Кроме того, приходится считаться с тем существенным обстоятельством, что при исследовании перевода, как и фактически любой другой гуманитарной деятельности, мы имеем дело не с самим «переводом» как явлением, а с текстом перевода или текстом о переводе, что является существенным обстоятельством, поскольку при этом исследуется не собственно сущность перевода, а его явление; не объект, а материал. Новый материал при этом неизбежно задает объект по-новому, что и порождает противоречия при его исследовании. Противоречивость исследований перевода, их многоаспектность является следствием крайней неоднозначности, сложности и подвижности самого объекта, который конкретизируется в виде частных переводческих практик. При этом и текст исследователя является «переводом» понимания перевода, а не сущностью самого перевода. На это обстоятельство указывал в свое время Г.П. Щедровицкий [1995, с. 557], говоря о том, что при попытке ответить на вопрос, что же понято нами в том или ином тексте, каков его смысл, создается новый текст или какое-либо изображение, которые должны выразить то же самое, что было выражено в исходном тексте. «И нам остается одно из двух: либо объявить эти вторичные тексты и изображения *самим смыслом* (игнорируя при этом совершенно очевидные соображения, показывающие, что это не так), либо же признать «смысл» такой сущностью, которая может только понимать-

ся и никогда не может быть представлена в специальных, моделирующих и понятийно фиксирующих ее знаниях». К числу соображений, показывающих «что это не так», исследователь отнес то, что вторичные тексты сами должны быть поняты и «смысл» исходного текста есть то, что мы понимаем при чтении второго текста (поскольку изначально постулировалась их тождественность).

Все вышесказанное относится и к изучению перевода, который может рассматриваться как *фиксация понимания средствами иного языка*. «При описании перевода мы переводим перевод, т.е. производим те самые операции, которые пытаемся описать. Это обстоятельство особенно неприятно для дескриптивных и исторических исследований, которые изо всех сил пытались разделить уровень предмета, т.е. переводы, от метауровня, т.е. описания перевода... Вместо аккуратного разделения предмета и метауровня все время приходится иметь дело со смешением обоих позиций [Hermans, 2002, p. 19]. Текст о переводе является каждый раз более или менее удачным «переводом» сущности деятельности на вербальный язык. К нему каждый раз можно предъявить те же претензии, что и к переводу, а многообразие и многопозиционность текстов о переводе как раз и свидетельствуют о том, что сущность перевода не вполне ухвачена ими.

Это противоречие осознается деятельностью онтологией перевода и современным влиятельным переводческим направлением Translation Studies и совершенно игнорируется лингвистической теорией перевода, которая, начавшись как перспективная научная парадигма, альтернативная литературоведческим дескриптивным исследованиям и прежде всего связанная с перспективами развития машинного перевода, к настоящему времени не оправдала возлагавшихся на нее надежд, связанных со всеобъемлющим научным описанием перевода.

Реальными достижениями лингвистической теории перевода пренебрегать ни в коем случае нельзя: она дала инструментарий и инвентарь переводческих соответствий, трансформаций, попыталась установить критерии качества перевода. Однако лингвистическая теория перевода представляется аспектом более глобального предмета, в состав которого входит переводческое изучение культур, их концептуального строения, аудитории оригинала и перевода, временных аспектов переводческой деятельности и т.д. В этом отношении перевод представляется не системой манипуляций и замен фрагментов текста фрагментами текста или целого текста целым текстом (в зависимости от того, что избирается лингвистической теорией перевода единицей перевода), а прежде всего рефлексивной деятельностью переводчика как деятеля с текстом. «Понимающая», рефлексивная составляющая переводческой деятельности практически игнорируется лингвистической теорией перевода – и в этом ее основной методологический недостаток.

Деятельностные по своей сути идеи были предложены лингвокультурологическим переводческим направлением Translation Studies, основанным Дж. Холмсом (J. Holmes) и А. Лефевром (A. Lefevere). Основная посылка, которая сближает лингвокультурологическое направление с деятельностным (Г.И. Богин, А.А. Богатырев, Н.Л. Галеева, Г.П. Щедровицкий), утверждает, что «интерпретация, так же как и перевод, это никогда не воспроизводство

смысла, это всегда производство смысла» [Koster, 2002, p. 31]. Лингвистической теории перевода следует отдать должное, поскольку в ней накоплено множество ценных практических наработок и фактов и она в «снятом», неэксплицированном виде присутствует в любом тексте о переводе в том отношении, что с ее положениями спорить нельзя: все они – правда, но все они – малая часть правды.

В деятельностной и лингвокультурологической онтологиях перевода существенным является то обстоятельство, что при обращении к истории переводческой деятельности очевидна роль перевода в формировании и развитии культур, поскольку очень немногие из них оставались индифферентными к межкультурному взаимодействию. При этом как роль перевода, так и его сущность разворачиваются под иным углом, нежели в сугубо лингвистической онтологии, соответственно изменяется отношение и к переводу в целом.

Те культуры, которые можно считать *первичными* (Древняя Греция, Китай, Индия) были вполне самодостаточны и сами вырабатывали все необходимые культурные ценности, которые впоследствии через разного рода взаимодействия передавали другим культурам, однако большинство культур, которые в этом контексте можно назвать *вторичными*, получали наиболее существенные духовные ценности именно через перевод. Как правило, первичные культуры были индифферентны к переводу и не испытывали необходимости в текстах и влияниях других культур. А. Лефевр отмечал, что культуры, считающие себя центральными в окружающем мире, не склонны общаться с Другими, если их к этому не вынуждают [Lefevre, 1998, p. 13]. Следует отметить, что понятие *другости, инаковости* (Otherness) стало одним из центральных в современной культуроориентированной теории перевода (Translation Studies), которая становится успешной альтернативой лингвистической теории перевода, не сумевшей объяснить и оптимизировать процесс перевода культурозначимых текстов. Это понятие позволяет разграничивать и описывать культурные явления в их взаимосвязи и взаимовлиянии, в этом отношении являясь конструктивным не только для переводоведения, но и для лингвокультурологии, а также для других смежных наук, изучающих межкультурное взаимодействие.

Первичные культуры становились духовными донорами для ряда других культур, иногда даже для культур завоевателей. Таким донором стала, например, персидская культура для арабских завоевателей, причем персы сами в «Домах мудрости» переводили на арабский язык и хранили свои тексты, чтобы «окультурить» захватчиков, что и действительно произошло. Греческая культура стала донором для римлян. Римская культура складывалась как культура вполне вторичная, т. е. основанная на культурных заимствованиях. В этом отношении тот античный мир, под которым принято понимать греко-римскую культуру, неоднороден, поскольку формировался по-разному. В самом факте заимствований нет никакой ущербности, такой способ формирования культуры становится экономной моделью развития для большинства национальных культур, поскольку он создает предпосылки для быстрого прогресса за счет заимствованных духовных ценностей, которые ассимилируются с собственными культурными образованиями, формируя то, что составляет *культурный капитал* (cultural capital – P. Bourdieu).

Заимствование осуществляется в разных формах и форматах: через собственно перевод, перевод-изложение, перевод-адаптацию, эти форматы исчислены еще ранними теоретиками перевода, которые понимали его многоплановость и целевую направленность. Перевод в этом случае можно понимать максимально широко – как всякое культурное взаимодействие и заимствование. Культурное влияние посредством перевода далеко не всегда заключалось в непосредственной трансляции текстов. Перевод мимикрировал, принимая самые разные формы. В формирующихся культурах появлялись тексты-аналоги, которые изо всех сил старались не походить на тексты культуры-донора. В них менялись имена, места действия, весь внешний антураж и появление таких текстов, фактически текстов-аналогов, имело огромное культурообразующее значение. «Аналогия является самым мощным фактором в процессе аккультурации (acculturation)» [Lefevere, 1998, p. 76]. Для принимающей культуры не имело никакого значения ни то, что сейчас принято называть «авторским правом», ни то, что в другой культуре имеется некий оригинал, ни тем более мера близости с этим оригиналом. Более того, все тексты, создаваемые подобным образом, максимально ассимилировались в принимающую культуру, создавая некий симбиоз «своего» и «чужого» и за счет этого симбиоза формировались новые национальные культуры. Таким образом создаются практически все европейские культуры. Латентный перевод, когда на основе некоего исходного текста одной культуры создавался аналогичный текст в другой культуре, был важным культурообразующим фактором. Культурное влияние нельзя, как это иногда принято, свести лишь к заимствованию сюжетов и мотивов, изучением чего давно и успешно занимается сравнительное литературоведение, начиная в отечественной традиции с А.Н. Веселовского и В.М. Жирмунского. В действительности заимствуется образ жизни, способы мышления, жанры и все эти модусы начинают работать в принимающей культуре на новом содержании, на том содержании, которое предлагается уже принимающей культурой.

Здесь берет начало то, что в современной структуралистской традиции принято называть интертекстуальностью, однако в данном случае интертекстуальность не сводится к постмодернистской игре с текстом, где игра становится самоценным содержанием деятельности. Интертекстуальность в данном случае является важным культурообразующим фактором. Именно за счет межкультурной интертекстуальности, интертекстуальности-перевода культуры получают не только новые содержания, но и новые способы действия с заимствованными и имеющимися в самой культуре содержаниями. Таким образом, как показала, например, С. Басснетт [Bassnett, 1998, p. 57-75], в английской культуре в начале XVI в. появился сонет, вначале как вольный перевод сонета Петрарки, затем как независимая форма для собственного содержания. Таким заимствованиям, которые по своей природе носят переводческий характер, нет числа.

Изучение истории перевода позволяет критически отнестись к ключевым с точки зрения современного лингвистического переводоведения понятиям, которые стали существенными в контексте понимания перевода как чисто языковой операции с текстом, а именно к понятиям «оригинал», «эквивалентность», «переводимость» и т.п. Исторически с точки зрения формирования

культур эти понятия не представлялись существенными. В самом деле, не представляется возможным установить, что в действительности было написано в древнееврейской версии Ветхого Завета. Это представляло трудность уже в то время, когда Ветхий Завет переводился на латинский язык Иеронимом, принципиально не использовавшим в качестве оригинала Септуагинту, а переводящим непосредственно с сохранившихся древнееврейских рукописей. К тому времени (V в. н. э.) древнееврейский язык уже стал мертвым языком, а те иудеи, которые помогали Иерониму и которые могли читать текст, не могли обеспечить точности, поскольку не всегда были доступны существенные для древнееврейского текста огласовки консонантного письма, без которых текст неизбежно интерпретировался неоднозначно. Тем не менее, знаменитая Вульгата, перевод Иеронима, была канонизирована и занимает в католической культуре место оригинала, несмотря на то что в ней отмечались явные неточности и доказуемые расхождения с оригиналом. Одно из самых существенных упоминает Н.К. Гарбовский, говоря о том, что древнееврейское слово [teshuvaḥ] было переведено латинским *penitentiam agere*, означающим «заглаживать вину делами, нести покаяние», что, по мнению богословов, было положено в основу индульгенций как способа искупления грехов [Гарбовский, 2001, с. 106]. Библия вообще представляет собой тот случай, когда в качестве центрального текста европейской культуры, которым она, без сомнения, является, выступает перевод или совокупность переводов на разные языки, а отношение перевода к оригиналу не вызывает никакого интереса. Более того, греческая и латинская версии Библии, которые в I тысячелетии н. э. были, хотя и переводами, но занимали в культуре место оригинала, сейчас в III тысячелетии доступны единицам, а место оригинала в соответствующих культурах занимают дальнейшие переводы, сделанные с разных версий, причем во многих культурах авторитет этих переводов не подвергается сомнению (церковнославянский перевод, Библия короля Якова, Библия Мартина Лютера и т.п.) и они приравниваются к оригиналу, а интерес к оригиналу вообще отсутствует.

Такое равнодушие к оригиналу сохранялось достаточно долго, почти до середины XIX в. Оригинал рассматривался лишь как толчок для самостоятельного творчества, поскольку собственно в переводе как средстве ознакомления иноязычной аудитории с содержанием оригинала нужды не возникало. Те, кто вообще что-то читал, обычно читали на нескольких языках и с интересующими их текстами могли ознакомиться в оригинале, не прибегая к переводу. «Европейская культура между 500 и 1800 гг. была би(мульти)лингвальной культурой маленьких кружков – этот факт блестяще замалчивается романтическими историками, которым было необходимо подчеркнуть роль национальных языков и культур» [Lefevere, 1995, p. 16]. Между тем переводческая деятельность никогда не прекращалась, поскольку иноязычный оригинал представлял собой вызов на соревнование, иногда даже на дуэль с иноязычным автором. Именно так большей частью рассматривались тексты из иных культур, именно поэтому их и переводили. Соревнованием Пушкина и Мериме стал перевод «Гузлы», превратившийся по-русски в «Песни западных славян», о чем можно прочесть у Н.В. Захаровой [2002, с. 109-114], тому имеется и множество других подтверждений.

При переводе текстов, составляющих культурный капитал, наиболее ярко проявляются две переводческие тенденции. Одна из них связана с максимальной культурной адаптацией оригинала к нормам и требованиям принимающей культуры. Принимающая культура в этом случае берет «чужое» как «свое». Другой тенденцией является «перетаскивание», транспозиция всех особенностей оригинала и культуры оригинала в принимающую культуру. В этом случае «чужое» берется как «чужое», причем как осознанно чужое, которое может быть или не быть адаптировано и/или применено в принимающей культуре.

Проблема оригинала, эквивалентности, точности появляется в фокусе переводческой науки только с переходом гуманитарного прогресса в технический, когда в целом количество грамотных людей растет, но знание языков катастрофически уменьшается, причем знание языка сводится лишь к коммуникативной готовности, и человек, который считает, что он знает иностранный язык, не может освоить на нем тексты, составляющие культурный капитал данной культуры. Этот период характеризуется введением в переводческий оборот информационных текстов, или, вернее, тех текстов, которые можно назвать нелитературными. Именно при переводе информации, документов и подобных им текстов, которые вошли в широкий переводческий оборот относительно недавно, необходимо то, что именуется «точностью», «эквивалентностью» и т.п.

При формировании культур через перевод эти понятия были несущественными и ненужными. Все попытки сослаться, говоря о точности перевода, на авторитет Горация, который пишет о *fidus interpres* (верный переводчик), предпринимаемые в современном переводоведении, не выдерживают критики, поскольку эти строки сами по себе могут интерпретироваться по-разному, в том числе возникает и вопрос: «переводчик верный **чему** или **кому?**». Объект, на который предполагается направлена «верность», не ясен и может быть чем угодно – оригиналом, культурой оригинала, культурой перевода, аудиторией перевода, автором и т.п.

Вопрос о верности оригиналу, точности, эквивалентности не возникал, поскольку перевод был таким, каким он был, т.е. очень разным, отвечающим самым разным целям и задачам, в самом общем виде представляющим либо культуру оригинала, либо ориентированным на культуру перевода. Именно таким образом позиционируются в настоящее время и большинство теоретиков перевода, считающих, что переводчик должен либо передавать особенности текста оригинала, либо встраивать его в культуру перевода. Именно этим объясняется и принципиальная вариативность переводческой деятельности: оригинал чаще всего один, а переводов может быть сколь угодно много, причем переводы имеют не объясненное пока свойство устаревать, впрочем, как и оригиналы. Многие из тех текстов, которые неоднократно переводились в прошлом, сейчас неинтересны и не востребованы.

Вопрос выбора текста для перевода является еще одной переводческой проблемой, на которую обращается недостаточно внимания, но которая многое может определить в переводе. Существует целый ряд текстов, из которых любят брать примеры сторонники скептической теории перевода, подвергающей сомнению саму его возможность, которые действительно оказывают максимальное «сопротивление» переводу. Это тексты, построенные на невоспро-

изводимых стилистических приемах (омонимах, например), узколокальной тематике и лексике и т.п., которые действительно плохо переводятся на иностранные языки: в них язык, культура, время «растаскивают» оригинал и перевод в разных направлениях. Такие тексты имеются всегда и во всех культурах, однако они далеко не всегда востребованы для перевода. Востребованность текста обычно связана со многими факторами: модой, ориентацией принимающей культуры на определенную авторитетную для нее исходную культуру. В частности, количество текстов, переведенных с английского языка, превосходит количество переводов с любого другого языка.

Многие особенности каждой отдельной культуры могут быть объяснены, во-первых, тем, как культура относится к переводу, во-вторых, тем, какие тексты каждая культура выбирает себе для перевода, в-третьих, тем, какой переводческой стратегии и в какой пропорции придерживается данная культура, в-четвертых, какие культуры считаются для данной культуры авторитетными.

Далеко не все культуры одинаково относятся к переводу. Некоторые из них поддерживают переводческие отношения с одними культурами и не поддерживают их с другими культурами, причем не всегда это объясняется языковой близостью. Авторитетность культуры при этом, как правило, играет решающую роль. В Средние века для Европы, несомненно, авторитетной культурой, из которой совершалось наибольшее количество переводов, была Римская культура. В настоящее время место наиболее авторитетной культуры занимает практически повсеместно американская культура, именно этим определяется большое количество переводов с английского. В. Макура [Macura, 1995, p. 70] отмечал, что «в развитии национальных культур имеются периоды, когда культура в целом или частично демонстрирует некоторые типологические черты перевода». Это означает, что не только большое количество текстов, но и способы мышления, образ жизни фактически транспонируются из авторитетной культуры, то есть перевод как транспозиция, заимствование, калькирование и т.п. становится семиотической деятельностью, приводящей к значительному изменению принимающей культуры под влиянием передающей. Этот процесс в настоящее время усиливается за счет развития новых средств коммуникации, где собственно межъязыковой перевод играет меньшую роль, чем раньше: в фильме наряду с текстом имеется видеоряд, Интернет вообще развивается как преимущественно англоязычная деятельность, где метаязык сети становится унифицированным и единым для всего мира.

Таким образом, следует отметить, что рассмотрение переводческой деятельности в диахронии, с одной стороны, снимает ряд проблем, считающихся актуальными и, порой, неразрешимыми при синхроническом подходе. С другой стороны, история переводческой деятельности ставит ряд таких проблем, которые не поднимались и не считались существенными в лингвистической теории перевода, составляющей, по сути дела, синхронический срез переводческих исследований.

В любом случае перевод является настолько многоаспектной деятельностью, которая растягивается в разные стороны противоположно направленными силами, что единый, интегрированный подход к ней, предлагаемый рядом исследователей (М. Снелл-Хорнби, Б. Хатим, Я. Мейсон), представляется из-

лишним упрощением проблемы, которая по самой своей сути исключает однозначное решение.

Литература

- Богин Г. И. Филологическая герменевтика. Калинин, 1982.
- Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М. 2001.
- Гарбовский Н. К. Святой Иероним – покровитель переводчиков // Язык и культура. Лингвистика, поэтика, сравнительная культурология, теория перевода. М., 2001. С. 92-108.
- Захарова Н. В. Вариативность перевода как результат мыследеятельностных позиций переводчиков // Языковые подсистемы: стабильность и динамика. Тверь, 2002. С. 109-114.
- Люсый А. Переводы: пришествие новых смыслов // Космополис. М., 2003. № 2 (4). С. 49-63.
- Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995.
- Bassnett S. Transplanting the seed: Poetry and translation // Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. Toronto etc., 1998. P. 57-75.
- Berman A. De la translation a la traduction // Etudes sur le texte et ses transformations 1. Paris, 1988. P. 23-40.
- Hermans T. Paradoxes and aporias in translation and translation studies // Translation Studies. Perspectives on an Emerging Discipline. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. P. 10-23.
- Koster C. The translator in between texts: on the textual presence of the translator as an issue in the methodology of comparative translation description // Translation Studies. Perspectives on an Emerging Discipline. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. P.24-37.
- Lefevere A. Translation: Its genealogy in the West // Translation, History and Culture. L., 1995. P. 14-28.
- Lefevere A. Chinese and Western thinking on translation // Bassnett S., Lefevere A. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. Toronto etc., 1998. P. 12-24.
- Lefevere A. The gates of analogy: the *Kalevala* in English // Bassnett S., Lefevere A. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation. Toronto etc., 1998. P. 76-89.
- Macura V. Culture as translation // Translation, History and Culture. L.: Cassell, 1995. P. 71-78.
- Pohl K.-H. Translating the untranslatable. Approaches to Chinese culture // Translation und Interpretation. München: Verlag, 1999. S. 179-188.
- Pym A. Translation and Text Transfer: An Essay on the Principles of Intercultural Communication. Fr. am Main: Lang, 1992.
- Riccardi A. Introduction // Translation Studies. Perspectives on an Emerging Discipline. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002. P. 1-9.